

А. А. КРАЕВСКИЙ

Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1835 года

2. ФИЛОСОФИЯ

Оригинальных статей по части Философии в первую половину нынешнего года вовсе не являлось в наших журналах. Переводных было также не много: и из них лучшие принадлежат «Телескопу». Там особенное внимание обращают на себя три статьи: 1) *Суждение Шеллинга о Философии Кузена*, 2) *Эммануил Кант* и 3) *Григорий Варсава Скворода*¹.

По знаменитости Автора первое место должно занять *Суждение Шеллинга о Философии Кузена* (№ 1). Если не ошибаемся, это — первое сочинение Шеллинга, переведенное на Русский язык, по крайней мере напечатанное с его именем. Впрочем, здесь знаменитый Германский Философ является не Систематиком, развивающим обширную систему свою, каким привыкла видеть его образованная Европа, но Рецензентом, одобряющим первые произведения таланта, воспитанного под его влиянием. Эту статью, после продолжительного молчания, написал Шеллинг в «Баварские Летописи» (*Baierische Annalen*, № 135, 1833 г.) по случаю выхода в свет второго издания «Философических Отрывков» Кузена, к которому присоединено новое Предисловие, составляющее, по мнению ветерана Германской Философии, замечательнейшую часть сочинения. Это самое Предисловие и составляет предмет рецензии Шеллинга, рецензии вообще замечательной, как справедливо говорит переводчик статьи, потому что она может дать довольно верное (хотя, прибавим, и не совсем полное) понятие об отношениях и степени сродства между эклектизмом Кузена и Германской Философией, в особенности же Философией знаменитого творца Системы Тождества.

По мнению Шеллинга, первая услуга, оказанная Кузеном Франции, состоит в том, что он ниспроверг безусловный сенсуализм, который в мысли и во всех возвышеннейших произведениях умственной деятельности видел только преображенную чувственность. Кузен начал с той точки, на которой застал Философию между своими соотечественниками, и в занятиях своих постоянно следовал этому ходу, который и означает в новом Предисловии своем под тремя главными отделами: 1) метода, 2) приложение методы к Психологии, 3) переход от Психологии к Онтологии и 4) общий взгляд на Историю Философии. Каждую из этих статей Шеллинг представляет в извлечениях и делает на них несколько замечаний. — Относительно методы Кузен объявляет себя на стороне той, которая ставит исходным пунктом всякой здравой Философии изучение человеческой природы, и следовательно, наблюдение, и которая обращается потом к наведению и размышлению, дабы из наблюдения вывести все результаты, в нем заключающиеся. Следовательно, он предпочитает анализ синтезу, методу психологическую — онтологической, и по тому самому Философия его, по собственным его словам, глубоко запечатлена духом Новейшей Философии и отделяется от Новой Философии Немецкой, начинающей с существа существ, дабы по всем степеням бытия низойти до человека и до различных способностей, коими одарен человек. Шеллинг отдает справедливость тому, что в наблюдениях Кузена действительно основательно и остроумно, соглашаясь, что ни в одном сочинении, изданном по сие время, не было ответно удовлетворительно на вопросы, которые он предлагает, и на возражения, кои он противопоставляет метод противной; но замечает, что главнейшее неудобство аналитической и опытной методы, предлагаемой Кузеном, состоит, может быть, в трудности назначить ей предел и с помощью ее действительно возвыситься до крайней точки.

«Путь, по коему следует Автор (говорит Шеллинг), правда, довольно краток; но приводит ли он к цели, это другой вопрос».

При изложении второго от дела Предисловия — приложения методы к Психологии — Шеллинг замечает, что если Кузен по методе приближается к Французской Философии XVIII в., то, по собственным словам его, уклоняется от нее решительно с самых первых приложений. Французская Философия XVIII в. наблюдает только факты ей пригодные; но беспристрастное наблюдение показывает, что в сознании есть такие явления, кои никакими усилиями не могут быть законно подведены под яв-

ления чувственности, — и тут Кузен сознает себя обязанным Школе Шотландской и Школе Канта; но ставит Канту в вину 1) непризнание того, что разум хотя и тесно соединен с личностью, однако глубоко различается от нее; 2) придавание понятиям разума одного лишь субъективного достоинства и 3) новый скептицизм, которым подверг он сомнению и спору законность всякого перехода от Психологии к Онтологии.

Относительно этого перехода от Психологии к Онтологии, составляющего третий отдел в Предисловии Кузена, Шеллинг выписывает слова Автора: «Так как Бог постигается мною в качестве причины, то Он есть безусловная субстанция, поколику есть безусловная причина, и Его сущность заключается именно в творческой силе; три идеи: *я*, или свободно-разумное лицо, *не-я*, или Природа, и их абсолютная причина, их субстанция, или *Бог* (тождество субъекта и объекта), тесно соединены между собою и составляют один и тот же факт сознания, коего элементы нераздельны», и прибавляет к этому следующее: «Читатели, знакомые с Немецкою Философией, могут отсюда достаточно видеть настоящее положение Автора. Мы сделаем только одно замечание, что Немецкая Философия занимается доньше исканием точки отправления, которая дозволила бы идти далее общих истин: ибо все сии общности доставляют только весьма не достаточное знание, весьма не верное, едва достойное имени Науки». — Далее, Шеллинг выписывает и одобряет возражения, делаемые Кузеном своим противникам, именно Школам Сенсуалистской и Теологической, упрекающим его в пантеизме, в пересадке Немецкой Философии на Французскую почву, в том, что он не признается в своих заимствованиях у чужестранцев, и поставляющим в главное преступление его Философии то, что она Философия.

Наконец, при рассмотрении 4-й статьи Предисловия — общего взгляда на Историю Философии — сказав несколько слов в защиту эклектизма Кузена и выписав его собственные ответы противникам, Шеллинг замечает, что Кузен сделался уже добычею неблагодарности, коей должен ожидать всякой, усиливающийся совратить своих современников с пути, давно ими проходимому, и направить их на новый путь. «К этому, — говорит он, — присоединились еще и политические раздоры. Если, с одной стороны, твердой и счастливой полемикой против Философии Сенсуализма он навлек на себя ненависть тех, кои утвердились в сей Системе и обязаны ей большими успехами: то, с другой стороны, и по той же причине партизаны параллельной политической Религии не могли простить ему, что

он, достигши важного сана в Государстве, не предался на их сторону, чтоб разрушить немногие остающиеся еще во Франции элементы Монархии, и что в Парламентском прении о законе касательно устройства Первоначальных Школ защищал необходимость участия Религии и Духовенства в народном воспитании». В заключение Шеллинг изъявляет желание, чтобы Кузен решился снова принять на себя звание Профессора Философии, и утверждает, что должно б было считать невознаградивою потерю не только для Науки, но и для самой Франции, если б политическое поприще безвозвратно отторгло Кузена от поприща, которое проходил он с таким успехом.

Мы не можем кончить отчета об этой рецензии Шеллинга, не выписав мнения его касательно темноты языка Немецкой Философии. «Немцы, — говорит он, — так давно занимались Философией единственно про себя, что их умозрения и язык, становясь более и более непонятными для других народов и удаляясь от общепринятого языка, дошли наконец до того, что мера отступления от общего образа мыслить и выражать мысли сделалась наконец мерою философического таланта. За примерами дела не станет. Семейства, отделяющиеся от общества, чтобы жить только про себя, в числе других особенностей, отталкивающих от них общество, принимают наконец некоторые выражения, им одним свойственные. Это самое случилось с Немцами в Философии. После некоторых тщетных усилий распространить вне Германии идеи Канта, они, по-видимому, отказались от всякой надежды сделаться понятными для других народов и привыкли некоторым образом смотреть на себя, как на особняков Философии, забывая, кажется, что первоначальная цель всякой Философии, цель хотя часто пренебрегаемая, но всегда долженствующая быть предметом постоянных усилий, именно состоит в том, чтобы производить всеобщее убеждение, и что, следовательно, Философия должна быть для всех доступна. Без сомнения, отсюда не следует, что о творениях философических должно судить, как об упражнениях в слоге; но что всякая Философия, которая не может быть понимаема всеми образованными нациями и передаваема приличным образом на всех языках, по сей именно причине не может быть Философией истинною и всеобщею. Итак, участие, с коим иностранцы начинают следовать за ходом Философии Германской, непременно должно иметь благоприятное действие на нее саму. Писатель-Философ, который, за несколько десятков лет, не мог отдалиться от принятой терминологии и освященных формул, не подвергаясь опасности прослыть неучем, ныне может с

большею уверенностью и с большею смелостью свергать с себя оковы принуждения. Он будет искать глубины в мыслях, и, по крайней мере, совершенное отсутствие легкости и ясности в языке не будет уже почитаться, как бывало прежде, талантом и вдохновением философическим». — Этот отрывок может служить как представителем образа мыслей Шеллинга о непонятной и для многих таинственной терминологии философско-Немецкого языка, в которой у нас некоторые видят только одно шарлатанство, так и образчиком прекрасного изложения статьи его на Русском языке.

